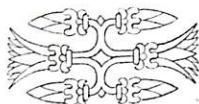

я поджег их, я превратил их в места, которым (уж) не быть восстановленными, я забрал всех их людей, доставленных пленниками, и их скот в бесчисленном количестве, а также их вещи, я забрал от них зерно, я вырвал их ячмень, я вырубил их сады, все их плодовые деревья... мое величество опустошило его, оно превратилось в..., на котором нет деревьев». В заключение остановимся только на памятниках, дошедших до нас от времени правления Рамсеса IV — последнего из крупных фараонов-завоевателей эпохи Нового царства, когда внутренние силы страны были значительно ослаблены. Рельефы, сопровождаемые надписями, украшавшие стены его замка в Мединет-Абу, дают, пожалуй, наиболее наглядное и полное представление о том, как вели себя египтяне в завоеванных странах, как они обращались с пленными и убитыми врагами. Прилагаемые воспроизведения некоторых из этих рельефов говорят сами за себя и в дополнениях не нуждаются. Достаточно и этих примеров, хотя число их можно значительно увеличить, чтобы убедиться в том, что египтяне и на заре своей истории и в конце ее обладали далеко не таким миропобивым характером, каким их наделяет буржуазная историография, и что они вели войны теми же способами, как и другие современные им народы. После этого по меньшей мере неубедительно звучит заявление Д. Брэстеда, который, вопреки им же самим приводимым фактам, пишет: «Страшные опустошения жилых городов, подобные тем, которыми хвастаются ассирийские цари, сообщая о своем обращении с мятежниками, нигде не упоминаются в анналах фараонов»¹.

Таким образом, мы с полным основанием имеем право утверждать, что египтяне ничем не отличались от других современных им народов, в частности ассирийцев, не только жестокими методами ведения войны и обращения с населением покоренных стран, но и идеологией, при помощи которой они стремились утвердить свое господство. Египет, особенно в период Нового царства, был таким же хищническим государством, стремившимся к порабощению соседних народов в интересах своего эксплуататорского класса, и утверждал свое господство такими же жестокими средствами, как и другие страны древнего Востока, а вслед за ними страны античной древности, ибо это есть неизбежное следствие самой природы рабовладельческого общества. Полностью поэтому опровергаются слова Эд. Мейера, «что на Востоке вовсе нет той интенсивной потребности в рабах и той жадной погони за рабами, которые так характерны для позднейшей римской республики»². Между античными странами и странами древнего Востока нет глубокого принципиального различия. И те и другие образуют рабовладельческую общественную формацию. Страны древнего Востока «неотделимы от всего остального античного мира»³, и им всем присущи одни и те же основные законы развития и основные характерные черты.

¹ Д. Брэстед, История Египта, М., 1915, т. I, стр. 305.

² Эд. Мейер, Рабство в древности, СПб., 1899, стр. 28.

³ С. П. Толстов, Периодизация древней истории Средней Азии, КСНШМК, вып. XXVIII (1949), стр. 25.

О. В. Кудрявцев

ГЕРОД АТТИК И СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА В АФИНАХ

История отдельных провинций и даже отдельных городов Римской империи дает весьма ценный материал для общей истории последних столетий античного мира. Афины, история которых, благодаря значительному количеству надписей и сообщениям писателей, известна лучше, чем история других городов Ахайи, интересны как пример эллинского города эпохи империи, расположенного на коренной территории греческого мира. По своему статусу в системе империи Афины были одним из немногих в Ахайе союзных городов (Тас., *Ann.*, II, 53), и это в известной мере ограничивало степень вмешательства римской администрации во внутренние дела города, что придавало социальным конфликтам в стенах Афин особенную остроту и значительность.

Упадок рабовладельческого строя на территории Эллады начался ранее, чем на территории других областей античного мира¹. Он выражался, с одной стороны, во внутреннем разложении рабовладельческого способа производства, в уменьшении количества рабов, развитии вывода на пекуний и вольноотпущенничества, а с другой — в тех изменениях, которые претерпели ко времени Антонинов существовавшие в Элладе земельные отношения. Особенно заметен кризис рабовладельческого общества Эллады именно в сфере аграрных отношений (см. о них А. Б. Ранович, *ук. соч.*, 219 сл.).

Правда, несмотря на длительный кризис, внешне античная форма собственности продолжала существовать в Ахайе в более чистом виде, чем в других восточных провинциях. Здесь не было экстерриториальных императорских имений: прокураторы систематически продавали земли, приобретаемые императорами при помощи конфискаций или получаемые ими по наследству, так что они всегда переходили в частные руки (например, IG, II—III², 1, 2, 1100). Вся территория Ахайи распадалась на территории отдельных полисов. Большая часть городской земли находилась в частной собственности граждан ахейских городов, меньшая представляла собой общественную землю (см. об этой последней Dio Chrys., *Ort.*, VII=XIII, 33—34).

Однако внутренне основные принципы классической античной формы собственности были давно извращены и нарушены. Для земельных отношений периода империи как во всей Элладе, так, в частности, и в Аттике,

¹ Ср. А. Б. Ранович, *Восточные провинции Римской империи в I—III вв.*, 1949, стр. 234 сл.

были характерны разорение мелкого крестьянского хозяйства и значительная концентрация земли. Аттическая надпись IG, II—III², 2, 2776, содержащая список 89 земельных владений, позволяет проследить процесс концентрации земли на территории Аттики. В этой надписи указываются имена землевладельцев, местоположение, а также иногда характеристика и название принадлежащих им земельных участков¹ и, наконец, цифры, как по каждому участку, так и по группе участков, принадлежащих данному землевладельцу. Максимальная цифра по одному участку — 2687 $\frac{1}{2}$ денариев, минимальная — 208, максимальная по группе участков — 15 750. Смысл содержащихся в надписи цифр истолковывался по-разному, а в связи с этим по-разному ставился и вопрос о назначении надписей. Высказывалось предположение², что приводимые в надписи числа суть ссуды, полученные собственниками земельных участков, с которых эти последние и их преемники должны были на вечные времена платить известный процент, причем полученные таким образом деньги расходовались на определенные цели; предполагалось при этом, что речь шла об алиментарных учреждениях; действительно, 8% от ряда приводимых в надписи сумм составляют круглое число. Здесь нет возможности опровергать приведенное мнение, однако гораздо более вероятно другое толкование³: приводимые в надписи цифры сами представляют собой суммы какого-то взноса, который был равен известной доле цены земельного участка, с которого он взыскивался. Подобные взносы выражались в античности обычно в виде кантлем, т. е. дробей, имеющих числителем единицу; однако, поскольку других данных о ценах земельных участков на территории Аттики для этого времени (видимо, первая половина II в.) нет, приходится решать этот вопрос (о ценах земельных участков) лишь предположительно, давая несколько вероятных решений. В таком случае получается возможность составить для наиболее крупных собственников таблицу (см. Тау, ук. соч., 234), в которой указывается предположительная стоимость (в денариях) находящихся в руках отдельных лиц земельных владений, состоящих из отдельных, расположенных в различных местах, участков при определении размеров взноса, указанного содержащимися в надписи цифрами, в $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{12}$ цены соответствующих земельных участков и групп участков:

	В надписи	при $\frac{1}{4} = 25\%$	при $\frac{1}{8} = 12\frac{1}{2}\%$	при $\frac{1}{12} \approx 8\frac{1}{3}\%$
Ф[ла]вий Метро[— — —] (12 участков)	15750	63000	126000	189000
Аррия Атенион (8 участков)	6968 $\frac{3}{4}$	27875	55750	83625
Клавдий Паних (5 участков)	5687 $\frac{1}{2}$	22750	45500	68250
?	3750	15000	30000	45000
Филаргирион (7 участков)	2510 $\frac{5}{8}$	10042 $\frac{1}{2}$	20085	30127 $\frac{1}{2}$
Вибуллий Пемитейд (3 участка)	2146 $\frac{7}{8}$	8587 $\frac{1}{2}$	17175	25762 $\frac{1}{2}$
Флавия Фла (3 участка)	1125	4500	9000	13500

Наиболее вероятными являются цифры среднего столбца (при размерах взноса в $\frac{1}{8} = 12\frac{1}{2}\%$). Приведенная таблица показывает, что в руках отдельных лиц сосредоточивались весьма значительные состояния, вложенные в землю. Однако эти обширные по масштабу Аттики земельные владения не представляли собой имений со сплошной территорией, а складывались

¹ Наиболее общее обозначение земельного участка — $\chi\omega\rho\acute{\iota}\omicron\nu$; наряду с этим — $\epsilon\sigma\chi\alpha\tau\acute{\iota}\alpha$, «отдаленное имение»; по хозяйственному назначению — $\alpha\mu\pi\epsilon\lambda\omicron\upsilon\rho\epsilon\upsilon\omicron\nu$, $\sigma\upsilon\chi\alpha\mu\epsilon\acute{\iota}\omicron\nu$, $\chi\acute{\iota}\rho\omicron\nu$ и т. д.

² Th. Mommsen, Athenische Stiftungsurkunde, «Hermes», V, 1871, стр. 129 сл.

³ J. Dary, An Economic History of Athens under Roman Domination, 1942, стр. 224.

из отдельных участков. Земельная собственность самого богатого из перечисленных в упомянутой надписи владельцев — Флавия Метро [—] — состояла из 12 участков, остальные землевладельцы имели также по нескольку участков. Богатство того или иного лица определялось не столько размерами, сколько числом находящихся в его собственности участков, хотя в этом отношении бывали и исключения: так, пять участков Клавдия Паниха стоили более чем вдвое дороже, чем семь участков Филаргириона. При этом эти участки находились нередко в различных частях Аттики; так, земельные владения Клавдия Паниха были расположены на территории нескольких демов. Следует отметить, что такой же характер концентрация земли имела и на территории Италии во времена Плиния Младшего, при всем различии масштабов, которое существует между Италией и Аттикой. С другой стороны, нередко в качестве собственников одного участка выступают несколько человек: так, Флавий Доротей, Флавий Филотим, Флавия Лоллия, Флавия Мегиста совместно владеют садом у Ахарнских ворот, который именуется Кюницем; упомянутая Флавия Фила владеет третьей частью земельного участка, расположенного, видимо, около Мпрмека. Причины этого последнего явления не вполне ясны: предполагать здесь парцелирование участков на более дробные части, вызванное разорением мелких земельных собственников, невозможно, поскольку все перечисленные в надписи лица, судя по их римским именам, принадлежали к привилегированному слою афинского общества; о Флавии Доротее и Флавии Филотиме известно к тому же, как о людях, лично близких к Героду Аттику, виднейшему представителю афинской аристократии, на протяжении нескольких десятилетий фактически правившему Афинами; Флавия Фила принадлежит к числу богатейших земельных собственников, упомянутых в разбираемой надписи. Поэтому речь шла, видимо, о таких земельных угодьях, которые почему-либо нельзя было делить и которые оставались в коллективной собственности родственников или наследников какого-либо лица.

Разбираемая надпись дает возможность также проследить процесс постепенного перераспределения аттической земельной собственности. Неоднократно указываются прежние владельцы участков¹: так, Флавия Фила владеет участком, принадлежавшим ранее общине киприан, упоминается участок, хозяином которого был прежде некий Гермафродит².

В связи с концентрацией земли происходило нарушение и других основных принципов античной формы собственности. Среди перечисленных в надписи земельных собственников нередко встречаются женщины (Флавия Фила, Флавия Лоллия, Флавия Мегиста), что стоит в противоречии с принципами классического полиса, согласно которым земельный собственник был вместе с тем воином. То, что участок, перешедший в собственность Флавии Филы, принадлежал ранее общине киприан, также указывает на значительное нарушение того принципа античной формы собственности, согласно которому земельным собственником на территории данного полиса мог быть только его гражданин.

Из этой же надписи видно, что земля сосредоточивалась преимущественно в руках римских граждан: подавляющее большинство упомянутых

¹ Однако, ἀπελευθερωθέν следует считать скорее всего не обозначением прежних собственников участка (см. А. Б. Р а н о в и ч, ук. соч., 232), ибо трудно представить себе участок, находившийся в коллективной собственности каких-то не названных по именам виноградарей, а указанием на хозяйственное назначение участка.

² Как показывают параллельные итальянские материалы, за участком сохраняется нередко имя первоначального владельца, которому (или его предкам) участок принадлежал в течение долгого времени, так что самый факт перехода этого участка в собственность другого лица указывает, быть может, на разорение прежнего владельца.

в надписи земельных собственников имеют римские имена, а из наиболее крупных не имеет такового лишь один Филаргирион. Так как наряду с этим они имеют по большей части греческие когномины, они, конечно, не были италиками по происхождению, а составляли, очевидно, верхний слой афинского общества, представители которого постепенно превращались в ромеев. Среди них упоминается ряд лиц, лично близких к Героду Аттику: таковы Флавий Доротей, в честь которого Герод воздвиг почетный декрет, Флавий Филотим, его ученик и друг, Вибуллий Пемптеид, бывший, видимо, родственником Герода.

Среди аттических земельных собственников попадались такие крупные, как Тиберий Клавдий Гиппарх, земли которого были конфискованы и распроданы при Домициане (IG, II — III², 1, 2, 1100); земельные владения Гиппарха были столь велики, что их новые собственники, купившие их у фиска, составили особую категорию аттических земельных собственников, имевшую важные привилегии в отношении сдачи по существующим в Аттике ценам оливкового масла государству (IG, II—III², 1, 2, 1100). Правда, земельные владения были обложены значительными налогами — уже упоминавшийся список 89 земельных владений несомненно связан с каким-то обложением земельной собственности, — однако приобретение земли продолжало оставаться самым выгодным способом помещения денег.

О том, как было организовано хозяйство крупных землевладельцев, какие формы труда в нем применялись, какие категории мелких производителей в нем подвергались эксплуатации, судить трудно ввиду невероятной скудости источников, однако некоторые заключения в этом направлении все же можно сделать. Указ Адриана о вывозе оливкового масла (IG, II—III², 1, 2, 1100) позволяет составить представление о формах труда, применявшихся в соответствующей отрасли сельского хозяйства. Особенно важен в этом отношении следующий отрывок: «а де[клараци]я пусть будет с клятвой — и сколько собрал всего и что через такого-то раба или такого-то вольноотпущенника; а если хозяин участка продает урожай, или земледелец, или скупщик, пусть им же подаст декларацию и продающий на вывоз — сколько продает, и кому, и где сто[ит] корабль»¹. Из того, что в декларации, подаваемой каждым земельным собственником относительно собранного им урожая, предлагается указывать не только общие его размеры, но и то, что данная часть урожая собрана «через такого-то раба или такого-то вольноотпущенника», можно заключить, что большие оливковые насаждения разбивались на отдельные мелкие участки, которые обрабатывались либо рабами, получавшими известную долю самостоятельности (то, что на Западе называлось выводом на пекуллии) и находившимися, таким образом, на положении квази-колonoв, либо вольноотпущенниками, арендовавшими их у хозяина. Если бы продолжали существовать большие рабовладельческие виллы, невозможно было бы индивидуализировать труд рабов, тем более было бы невозможно применять труд вольноотпущенников. Вывод на пекуллии способствовал интенсификации рабского труда, тогда как вольноотпущенники, лично зависимые от хозяина, были для него удобнее, нежели сторонние арендаторы. Не исключена возможность, что применялся и труд этих последних. Ниже, где речь идет о продаже урожая, «земледелец» (ὁ γεωργός) определенно противопоставляется «хозяину участка» (ὁ δεσπότης τοῦ χωρίου), откуда видно, что этот

¹ IG, II—III², 1, 2, 1100: [ἡ] δὲ ἀπογραφὴ ἔστω μετὰ ὄρκου καὶ πόσον συνεκόμενον τὸ πᾶν, καὶ ἅτι διὰ δούλου τοῦδε ἢ ἀπελευθέρου τοῦδε ἢ ἐὰν δὲ πωλήσῃ τὸν καρπὸν ὁ δεσπότης τοῦ χωρίου, ἢ ὁ γεωργός ἢ ὁ καρπώνης, ἀπογραφέσθω δὲ πρὸς τοὺς αὐτοὺς, καὶ ὁ ἐπ' ἐξαγωγῇ πιπράσκων, πόσον πιπράσκει καὶ τίνι καὶ πῶ ὄρμη[ε]ι τὸ πλοῖον.

γερῶν не был, как правило, собственником земли¹. Под категорию γερῶν, очевидно, в данном случае подходили все, кто фактически работал на участке, будь то рабы, вольноотпущенники или сторонние арендаторы. Все они, и арендаторы, снимавшие землю из доли урожая, и рабы, выведенные на пекулий и получавшие, следовательно, какую-то часть производимого ими оливкового масла в свое распоряжение, должны были продавать свою долю, так как им нужно было покупать хлеб, которого в Аттике не было, и другие продукты питания. Ввиду этого указание на продажу несколько не препятствует тому, чтобы под термином γερῶν понимались не только свободные, но и рабы. Таким образом, из рассмотренной надписи можно вывести заключение, что в интенсивном сельском хозяйстве Аттики применялся и рабский труд и труд свободных и полусвободных арендаторов, причем сам по себе рабский труд претерпел значительные изменения по сравнению с предшествующими периодами, развиваясь в том же направлении, что и в западной половине империи, в сторону вывода на пекулий и предоставления рабу большей самостоятельности, что указывает на нарастающий кризис рабовладельческого способа производства.

О развитии в Элладе вывода на пекулий можно заключить и из данных Плутарха (*De lib. ed.*, 7), который в числе рабов упоминает наряду с земледельцами также каштанов кораблей, торговцев, экономов и ростовщиков; все эти занятия требовали известной самостоятельности для рабов. Общую тенденцию к упадку рабовладения можно усмотреть и в известии Филострата (VA, VIII, 7, 41—42) о затруднениях при покупке рабов.

Разрушение крестьянского хозяйства в результате концентрации земли имело необходимым следствием то, что Афины в еще большей степени, чем раньше, испытывали недостаток в хлебе. Для аттического сельского хозяйства во II в., как и раньше, характерно было развитие садоводства: разведение оливковых деревьев, винограда, тутовых деревьев (см. например IG, II—III², 1, 2, 1100; 2, 2776). Между тем широкие массы граждан, лишенные земли и других источников дохода, все время нуждались в хлебе, и, хотя отдельные попытки определить движение численности населения Афин² не дают достаточно прочных результатов, все же можно предполагать, что непродоящее население Афин было довольно значительным по своей численности. Поэтому Афины постоянно ввозили хлеб, были вынуждены законодательным путем регулировать его продажу, имели специальные учреждения и специальных должностных лиц по закупке хлеба (IG, II—III², 3, 1, 3504—3505) и даже принуждены были в этом отношении пользоваться эвергесиями императоров (Dio, LXIX, 16, 2). Затруднения с хлебом случались постоянно (Phil., VS, I, 23, 1; IG, II—III², 1, 2, 1118). Еще более обостряло хлебный вопрос то обстоятельство, что большие участки аттической земли были заняты виллами местных и приезжих богачей, которые со своими многочисленными постройками, рощами, водоемами, охотничьими угодьями занимали обширные пространства, делая их непригодными для сельского хозяйства³.

Свидетельством глубокого кризиса, охватившего Аттику, является и тот факт, что некоторые продукты интенсивного сельского хозяйства сбывались главным образом на внешний рынок. Из сельскохозяйствен-

¹ Слово γερῶν во всей надписи встречается только здесь. Дважды встречающееся выражение οἱ τὸ ἐλαίον γερῶνόντες (в другом месте τοῖς μ[ὲν γερῶν]οῦσιν τὸ ἐλαίον) имеет совсем другое значение. В обоих случаях подразумеваются собственники земельных участков, подающие декларацию.

² P. G r a i n d o r, *Athènes sous Auguste* (Université égyptienne, Recueil de travaux publiés par la faculté des lettres, 1, 1927), стр. 97—99; D a y, *ук. соч.*, 271.

³ См., например, G e l l., *NA*, I, 2, 1—2; IG, II—III², 3, 1, 3970.

ных продуктов предметом вывоза являлось в первую очередь оливковое масло, продавать которое купцам на вывоз из Аттики было, судя по известному указу Адриана (II—III², 1, 2, 1100), выгоднее, чем сбывать его внутри страны. Аттическая торговля находилась почти исключительно в руках иностранцев, о чем свидетельствует хотя бы большое количество найденных в Аттике чужестранных надгробий времени империи (Day, ук. соч., 214). Аттическая монета, некогда господствовавшая в эллинском мире, принятая за образец Александром и Селевкидами и еще в первое столетие римского господства успешно борющаяся против внедрения римских номиналов¹, должна была теперь окончательно отступить перед римским общеимперским монетным обращением, как это видно хотя бы на примере уже упоминавшегося списка аттических земельных владений, где драхма выступает в качестве подсобной монетной единицы, соответствующей шестой части денария и фактически равной оболу.

Ремесло, так же как и торговля, находилось в состоянии упадка. Одной из немногих прибыльных профессий было изготовление копий с известных произведений древнего искусства. Обширное строительство, производившееся в средние десятилетия II в. в Афинах, Олимпии, Коринфе как местными эвергетами, вроде Герода Аттика, так и императорами (особенно Адрианом), конечно, поддерживало до известной степени местных ремесленников, получавших в связи с этим заказы, но и оно не могло, разумеется, решительным образом изменить тяжелое положение ремесла, а отсюда вытекало весьма важное следствие — катастрофическая бедность народных масс, бедность, которую можно было идеализировать в духе книжков (Luc., Nigr., 12, 51R), но которая была вместе с тем грозным признаком нарастающего кризиса. Афинский демос, находившийся кругом в долгу у знати (Phil., VS, II, 1, 4), влячил жалкое существование.

Кризис рабовладельческого строя на территории Аттики приводил к величайшему обнищанию широких масс граждан, с одной стороны, и к усилению могущества аристократии — с другой. Материальной основой этого могущества было крупное землевладение, как в самой Аттике, так иногда и в других частях империи², доходы от которого дополнялись доходами от торговли и ростовщичества, причем ведущее политическое положение на местах также способствовало увеличению богатств провинциальной знати; в руках отдельных семей сосредоточивались огромные богатства; так, например, по словам Светония, состояние Гиппарха оценивалось в сто миллионов сестерциев (Vesp., 13). Эти богатства позволяли их обладателям жить с невероятной роскошью, представляющие о которой могут дать виллы Герода Аттика (Gell., NA, I, 2, 2). Политической опорой местных олигархов было императорское правительство.

Афинская знать сумела приспособиться к римскому режиму и постепенно прокладывала себе дорогу к высшим должностям в империи. Первым шагом на пути к этому было получение римского гражданства. И действительно, римское гражданство, как показывают римские родовые имена, постоянно встречающиеся в надписях, было широко распространено среди афинской аристократии, но только среди аристократии: в списках эфебов, дающих рядовой материал, римские родовые имена сравнительно редки.

¹ Примерно к 96 г. до н. э. относится постановление дельфийской амфикионии, показывающее, что тогда эллины еще пытались отстоять свою валюту против внедрения римского *victoriatus* (SIG³, II, 729).

² В частности, в Италии; земельные владения в Италии определенно засвидетельствованы для Герода Аттика, которому обширные имения здесь и, между прочим, у амого Рима на Аппиевой дороге принес брак с Региллой; к тому же по законам Траяна и Марка Аврелия о земельном минимуме каждый сенатор должен был иметь по меньшей мере треть или четверть своего состояния вложенными в италийскую землю.

Из римских родовых имен довольно часто встречаются имена Юлий и Клавдий, которые показывают, что наделение афинской аристократии римским гражданством, и притом в значительных масштабах, датируется еще первым столетием империи. Имя основателя империи носил, например, противник Герода Атика Юлий Теодот (IG, II—III², 3, 1, 3813), одно время после удаления Герода от дел завладевший господством над Афинами, а также некоторые другие афиняне. Клавдиями именовались представители рода Аттиков, Тиберий Клавдий Новий, бывший в I в. восемь раз стратегом (Day, ук. соч., 239), аттический земельный собственник Клавдий Паних (IG, II—III², 2, 2776), главный противник Герода Демострат и его родственники (в том числе Гай Клавдий Титиан)¹ и т. д. Весьма распространенным в Аттике было также имя Флавий. Его носили, например, Тит Флавий Моидон, бывший несколько раз архантом², земельные собственники Флавия Фила, Флавий Доротей, Флавий Филотим, Флавия Лоллия, Флавия Мегиста, Флавий Метро [---] (IG, II—III², 2, 2776) и т. д. Императорские имена Коккей, Ульвий и Элий встречаются несколько реже, что объясняется относительной краткостью правления их носителей (по сравнению со временем правления династий Юлиев, Клавдиев и Флавиев). Что же касается имени Аврелий, то хотя оно встречается часто, оно представляет интерес лишь при возможности точно датировать надпись, так как после эдикта Каракаллы имя Аврелий широко распространяется по всей империи. Наконец, наряду с императорскими, в Аттике встречаются и другие римские имена: Вибуллий (см. стр. 56), Геренний (это имя носили, например, Геренний Птоломей³, а также его сын, историк Дексипп и т. д.). Кроме того, в Афинах встречаются и другие римские родовые имена и, что самое интересное, не только римские имена, но и римские прозвища: одного из афинских противников Герода звали Мамертином⁴, а полное имя христианского философа Аристиды было Маркиан Аристид. Римское гражданство было могучим рычагом, поднимавшим афинскую аристократию над эксплуатируемым ею демосом и открывавшим ей дорогу к влиянию на общие судьбы империи.

Афинская знать достигает еще более значительных успехов и получает доступ в первое сословие империи. Некоторые из наиболее влиятельных ее представителей были вместе с тем римскими сенаторами. Сенатором, например, был историк Флавий Арриан, афинский архонт (IG, II—III², 2, 2055) и римский государственный деятель. Особенно выделялся в этом отношении род Тиберия Клавдия Гиппарха, на протяжении четырех поколений принадлежавший к сенаторскому сословию, на протяжении трех поколений дававший римских консулов и достигший, наконец, патрициата. Это была афинская семья⁵ из марафонского дема⁶. Уже сам Гиппарх был сенатором, однако о каких-либо курульных почестях, выпавших на его долю, определенно ничего неизвестно. Его сын Атик был консулом-суффектом, видимо, при Траяне (Sop., ProI. Ar.)

¹ Foucart, Inscriptions d'Éleusis, BCH, VI, 1882, стр. 436.

² См. «Hesperia», II, 1933, стр. 505—511; Day, ук. соч., 261.

³ См., например, его мегарскую надпись (IGS, I, 91).

⁴ Phil., VS, II, 1, 25: «возникли Демостраты и Праксагоры, и Мамертины, и многие другие». Известен одноименный афинский архонт, быть может, идентичный противнику Герода.

⁵ Paus., VII, 20, 6; Phil., VS, II, 1, 1; Suid., s. v. Πρωδης, I, 2, 896 B.

⁶ IG, II—III², 1, 2, 4073; 3, 1, 3190—3191; 3595; 3597 a—e; 3603; 3733; 4063; CIA, III, 2, 4333, исправлено Dittenberger, De Herodis Attici monumentis Olympicis, ISH, 1892, стр. XV; IGS, I, 2509; EA, III, 1885, стр. 152, № 28; 1894, стр. 206a; 207b; Phil., VS, II, 1, 30; 37; Suid., s. v. Πρωδης.

и, возможно, во второй раз консулом-суффектом при Адриане¹. Внук Гиппарха Герод, знаменитый софист, был ординарным консулом 143 г.² и, можно предполагать, подобно отцу, дважды консулом³. Его сына Брадуя Антонин Пий причислил к патрициям⁴; подобно отцу, Брадуя был афинским архонтом (IG, II—III², 2, 2113) и ординарным консулом 185 г.⁵ Так постепенно происходило превращение местной знати в общенеперскую.

Господство знати в Афинах выражалось в том, что отдельные ее группировки и даже отдельные представители надолго захватывали в свои руки фактическое распоряжение судьбами города, опираясь при этом на поддержку римской власти. В формировании этих олигархических группировок родственные связи имели первостепенное значение.

Государственное устройство Афин, несмотря на внешнедемократический характер, не препятствовало фактическому господству олигархов. Оно претерпело лишь частичные изменения по сравнению с предшествующими периодами. Афинский народ попрежнему делился на филы⁶ и демы⁷, причем и те и другие не были только пустым именем, но выполняли определенные административные функции в системе афинского государственного устройства. Не исчезли даже те условные пережитки родового строя, которые так прочно держались в устройстве античных полисов; и теперь еще продолжали составляться списки сородичей — членов знатных родов; примером подобных списков может служить список членов рода Аминандридов (см. Graindor, ук. соч., 97—98).

Управление государством номинально находилось в руках буле⁸ и демоса, причем в последнем воплощался суверенитет Афинского государства. Формула «буле и демос» в государственных постановлениях встречается постоянно (например, IG, II—III², 3, 1, 3595). В известных отношениях, например, в сфере судебной, демос обладал большими правами, нежели буле; процессы по делам, превышающим определенную сумму, не могли разбираться только в буле, но должны были передаваться на совместное рассмотрение буле и демоса (II—III², 1, 2, 1100). Но все эти права были почти сплошь формальными: в действительности, низшие слои афинского общества были бессильны перед всемогущей знатью. Симптоматично, что вновь возрастает значение ареопага, который обладал теперь не только судебными, как во времена расцвета афинской демократии, но,

¹ P h i l., VS, II, 1, 1; S u i d., s. v. Ἡρόδης.

² Герод Аттик — консулар: G e l l., NA, I, 2; IX, 2, 1; XIX, 12, 1. В надписи CIA, III, 1, 675 = IG, II—III², 3, 1, 3603, теперь читается не [ὑπατι]κόν, а [ἑπιπαρ]χόν.

³ Ср. P h i l., VS, II, 1, 1. Однако II, 1, 19, судя по упоминанию жеребьевки, относится не к повторному консульству, а к проконсульству в Азии или Африке. С другой стороны, II, 1, 1, не может иметь в виду консульства и проконсульства, ибо у S u i d., s. v. Ἡρόδης, проконсульство в Азии определено не перекрывается двойным консульством.

⁴ IG, XIV, 1389 = EG, 1046 = CIG, III, 6280, 23—26; IG, XIV, 1392.

⁵ L i e b e n a m, Fasti consulares imperii Romani von 30 v. Chr. bis 565 n. Chr. mit Kaiserliste und Anhang [«Kleine Texte für theologische und philologische Vorlesungen und Übungen» (L i e t z m a n n), 41—43, 1909, стр. 25].

⁶ См., например, надписи, поставленные Тиберию Клавдию Аттику Героду, отцу знаменитого софиста, и его жене Вибуллии отдельными аттическими филлами: IG, II—III², 3, 1, 3597a — с; 4063.

⁷ Например, IG, II—III², 2, 1773; 1776. Богатый набор различных δημοτικῶν дает надпись пирейских προχματεῶντι в честь Региллы (SIG³, II, 856). Местоположение аттических земельных участков в надписях часто обозначается по демам; так, например, в уже многократно привлекавшемся списке 89 земельных участков (IG, II—III², 2, 2776) упоминаются демы Иониды, Бата, Коридалл, Атмон, Трия и другие.

⁸ До 128/129 г. она состояла из 600 членов и называлась ἡ βουλὴ τῶν ἐξάρχων (например, IG, II—III², 3, 1, 3595). Адриан в своей любви к архаизму восстановил клисфеновскую цифру.

в известной мере, и политическими функциями: в декретах он выступает рядом с буле и демосом, как равноправный орган власти (например, II—III², 3, 1, 3595). По существу, это был новый орган, повидимому, весьма могущественный. В состав ареопага входили попрежнему бывшие архонты, а так как магистратами становились теперь по преимуществу представители знати, то ареопаг превратился в олот олигархии. Должность вестника ареопага считалась весьма почетной.

Из магистратур особенно важными были должности архонтов и агораномов. Архонтов было, как и раньше, девять, и функции их, во всяком случае с формальной стороны, не претерпели особенных изменений. Значение архонтов, повидимому, несколько возрастает по сравнению с периодом расцвета афинской демократии; вместо бесцветных и неизвестных архонтов V—IV вв. в списке архонтов эпохи империи постоянно встречаются имена влиятельных представителей афинской знати, чего не могло бы быть, если бы избрание архонтов предоставлялось только случаю.

В условиях, где любая заминка с хлебом могла повлечь за собой серьезные политические осложнения, возрастает значение должности агоранома. Напротив, должность стратега теряет в своем значении по сравнению с классическим и эллинистическим периодами. Причиной этого было то, что основные функции стратега — война и дипломатия, — выдвигавшие их на первое место в Афинском государстве, отпали теперь сами собой. Стратеги наделяются теперь новыми, ранее не свойственными им функциями; так, стратег по части тяжелого оружия разделяет с агораномом заботу о снабжении хлебом афинского населения. Весьма примечательно также, что, например, при Адриане эту должность занимал чужеземец по происхождению, эфесец Лоллиан (Phil., VS, I, 23, 1), — факт, показывающий, что с прежней афинской исключительностью было давно покончено. Наконец, городские культы, составлявшие неотъемлемую часть конституции всякого античного полиса, также претерпели не столько внешние, сколько внутренние изменения: попрежнему граждане Афин чтити покровительницу города Афины Полиаду, но для изменившихся по сравнению с древностью условий характерно, что, например, при Септимии Севере с нею еще при жизни была отождествлена Юлия Домна¹ и афинский полемарх в торжественных случаях приносил жертвы матери лагерей.

Несмотря на то, что последние сражения, в которых участвовали афиняне, относились ко времени гражданских войн I в. до н. э., Афины отчасти продолжали сохранять свою военную организацию. Из военных должностей известное значение имела должность гиппарха. Гиппархи командовали афинской конницей. Особенным вниманием пользовалась организация эфэбов, имевшая, однако, не столько военное, сколько политическое значение, поскольку вступление в ряды эфэбов означало вступление в афинское гражданство².

Влияние аристократии в рамках афинской конституции обеспечивалось тем, что большинство общественных должностей занимали представители знати, тогда как обезземеленный и нищий демос не мог противостоять их могуществу. Архонтами в этот период были преимущественно люди знатные³, и это определяло олигархическую позицию ареопага.

¹ См. J. H. O l i v e r, Julia Domna as Athena Polias, «Athenian Studies presented to W. S. Ferguson», 1940, стр. 521—530.

² Относительно эфэбов, см., например, IG, II—III², 2, 2090; 2113; 2127; 2227; 3, 1, 3733—3734; P h i l., VS, II, 1, 8; K a i b e l, EG, стр. 435.

³ Например, историк Флавий Арриан (IG, II—III², 2, 2055; не в 147 г., как N e i b a u e r, Commentationes epigraphicae, 1869, стр. 16 да в 145—146 г.), известный

То же можно сказать об агораномах¹, гишпархах, стратегах и о целом ряде других должностей. Могучим средством поддержания своего влияния у олигархов были занятие одним и тем же человеком на протяжении своей жизни самых различных должностей и многократное занятие одним лицом одних и тех же должностей. Особенное значение имело многократное занятие одних и тех же должностей. Так, Тит Флавий Мондон несколько раз был архонтом («Несп.», II, 505—511; Day, ук. соч., 261). Историк Дексипп был не только архонтом-эпонимом, но и архонтом-басилеем (А. Б. Ранович, ук. соч., 240). Должность стратега еще в I в. некнй Эллион занимал семь раз, Тиберий Клавдий Новий — восемь (см. Day, ук. соч., 239). Господство аристократических родов облегчалось еще и тем, что некоторые должности были наследственными; так, историк Дексипп, помимо других почетных должностей, был облечен должностью наследственного жреца. Все это делало демократическую по форме конституцию Афин бессильной перед могуществом аристократии.

Все указанные выше социально-экономические и политические условия жизни Афин во II в. н. э. естественно приводили к частым вспышкам недовольства афинского демоса, нищего и фактически бесправного. Об этих возмущениях в источниках говорится, к сожалению, очень мало, но и то, что есть, позволяет сделать определенные выводы. Вопрос о снабжении хлебом был одним из наиболее животрепещущих в текущей политике любого эллинского полиса, а продовольственный стасис — типичной формой стихийных вспышек недовольства широких масс граждан. Подобные вспышки происходили и в Афинах. Софист Лоллиан в бытность свою афинским стратегом по части тяжелого оружия, которому в это время обычно поручался надзор за рынком, едва не был побит камнями из-за небольшой задержки в доставке хлеба². В средние десятилетия II в. народные массы Афин неоднократно выступают в качестве орудия различных группировок правящего слоя в их борьбе между собой. Господство над Афинами переходит от одной олигархической группировки к другой, но положение народа не становится от этого лучше. Постоянная борьба между знатью и широкими массами граждан в условиях угасающего полиса была бесперспективна по самой своей природе и не могла привести в данный период к каким-либо решительным изменениям. Ее значение заключалось только в том, что она еще больше расшатывала устой уже начавшего гнить античного общества.

Наиболее типичной фигурой среди афинской аристократии изучаемого периода был глава одной из олигархических группировок, богатейший человек в Афинах, известный представитель так называемой второй софистики Тиберий Клавдий Атик Герод. Его жизнь и деятельность нашли широкое отражение в источниках. Филострат посвятил ему самую обширную из своих биографий софистов, а количество надписей, поставленных ему в его честь или вообще имеющих к нему какое-либо отношение, исчисляется десятками³.

софист Тиберий Клавдий Атик Герод (IG, II—III², 3, 1, 3190; 3733—3734), его сын Тиберий Клавдий Аппий Атилиус Брадуа Регилл Атик (II—III², 2, 2113), историк Дексипп (см. А. Б. Ранович, ук. соч., 240) и т. д.

¹ Герод Атик в качестве агоранома: IG, II—III², 3, 1, 3238; 3602.
² Phil., VS, I, 23, 1: «когда произошло смятение у хлебных лавок и афиняне пожелали его [т. е. Лоллиана] побить камнями, Панкрат собака [т. е. кирик], занимавшийся после этого философской деятельностью на Истме, подоидя к афинянам и сказав „Лоллиан не продавец хлеба, но продавец слов“, так успокоил афинян, что они отложили камни, бывшие у них в руках».

³ Определение принадлежности надписей софисту Героду встречает известное затруднение в том, что софист и его отец носили совершенно одинаковые имена и, хотя один из них именовался преимущественно Геродом, а другой Атиком (в част-

Герод Аттик родился не ранее 100 г. н. по всей вероятности, несколько позже¹. Он происходил из старой афинской семьи, принадлежавшей к марафонскому дему (см. стр. 61). Как видно из предъимени и имени Тиберия Клавдия Аттика Герода, его предки достигли римского гражданства еще при императоре Тиберии Клавдии. Дед Герода Тиберий Клавдий Гиппарх² уже принадлежал к сенаторскому сословию и обладал громадным состоянием, которое нечислялось в сто миллионов сестерциев (Suet., *Vesp.*, 13); однако при Домициане Гиппарх был обвинен по закону об оскорблении величества, и его имущества были конфискованы: земли его были распроданы фиском афинским гражданам (IG, II—III², 1, 2, 1100). Борьба Домициана с сенаторской знатю и его стремление подорвать экономическую основу могущества ее отдельных представителей — обширные земельные владения, сосредоточенные в их руках, — затронули, таким образом, и провинциальную знатю. При императорах династии Нервы подобные случаи были уже невозможны, императорская власть и почти целиком обновившееся по своему составу по сравнению с первым столетием империи сенаторское сословие нашли возможность сосуществования, а провинциальные аристократы могли спокойно пользоваться своими богатствами. Отец софиста Тиберий Клавдий Аттик Герод, именовавшийся обычно Аттиком,

ности, в литературных источниках знаменитый софист почти всегда встречается как Герод; только Авл Геллий, NA, I, 2, 1, и Юлий Капитолин, SHA, Marc., 2, 4; *Ver.*, 2, 5, называют его Геродом Аттиком), многие ошибались, приписывая отцу надписи сына или наоборот. Однако, после открытия олимпийских надписей, а также элевсинской (EA, III, 1894, стр. 206a), лишь относительно немногих эпиграфических памятников остались сомнения. К отцу софиста относятся следующие надписи: SIG, II, 2371; IG, II—III², 1, 2, 1073; 3, 1, 3295—3297; 3595—3596; 3597a—e; 4063; IGS, I, 88; 2509; VA, II, 243 d; EA, III, 1894, стр. 206a. К самому софисту: SIG, II, 1883; 3187; CIA, III, 1, 815—816; 2, 1333 (исправлено D i t t e n b e r g e r, ук. соч., стр. XV) = IG, II—III², 3, 2, 12568 9; IG, II—III², 2, 2090; 3, 1, 3190—3191; 3601—3603; 3605; 3733—3734; 3969—3973; 4073; 5189; 3, 2, 13200; XIV, 1389 = SIG, III, 6280 = EG, 1046, I, 33; 37; II, 12; IG, XIV, 1390; 1391 = SIG, III, 6184 = CIL, VI, 1, 1342; IG, XIV, 1392; D i t t e n b e r g e r, ук. соч., стр. V—VI; VII; XII, №№ 1—4; XVI, №№ I—III, 2; он же, *Inscripfien aus Olympia*, AZ, XXXV, 1877, стр. 102, №№ 71—72; 103, № 74; XXXVI, 1878, стр. 103; K o e h l e r, *Inscripf der Appia Regilla*, AM, VIII, 1883, стр. 287—289 = SIG³, II, 856; EA, III, 1885, стр. 152, № 28; 1894, стр. 206a; 207b; *Ἐβρεσις ἐπιγραφῶν ἐν Ἀθήναις*, DA, IV, 1888, стр. 189. Об олимпийских надписях см. специальную монографию D i t t e n b e r g e r'a «De Herodis Attici monumentis Olympicis», ISH, 1892. Кроме перечисленных надписей, определенно принадлежащих отцу или сыну, K l e b s (PIR, I¹, 352, 354) перечисляет еще несколько, атрибуция которых сомнительна. Первые три из них получили в настоящее время точную атрибуцию: 1) CIA, III, 1, 666 = IG, II—III², 3, 1, 3600, относится к софисту, хотя не позже 128/129 г.; 2) CIA, III, 1, 485 = IG, II—III², 3, 1, 3297, безусловно к отцу софиста; 3) CIA, III, 1, 675, в настоящее время читается совсем иначе (см. IG, II—III², 3, 1, 3603). Сомнительными остаются до сих пор: SIG, II, 2978; 3579. О различии надписей Герода Аттика и его отца см. K l e b s, PIR, I¹, 351; о надписях сомнительных — I¹, 352; о Героде Аттике вообще — А. Б. Р а н о в и ч, ук. соч., 228 сл.; P. Graindor, *Un milliardaire antique* (Un. Eg., Rec., V, 1930); S t e i n, PIR, II², 175—182; K e i l, *The Greek Provinces*, CAH, XI, 1936, стр. 560. Более подробно эти вопросы рассматриваются в подготавливаемой автором работе «Эллинические провинции Балканского полуострова при Антолинах».

¹ Герод Аттик умер на семьдесят шестом году жизни (P h i l., VS, II, 1, 37). Последнее событие его жизни, сообщаемое у Ф и л о с т р а т а, после которого он, видимо, вскоре умер, — письмо императора Марка к нему с извещением о смерти Фаустины (II, 1, 31). Фаустина умерла во время путешествия Марка на Восток после подавления восстания Кассия, на обратном пути через Каппадокию не ранее зимы 175—176 гг. и скорее летом 176 г. Известие Ф и л о с т р а т а (II, 1, 31), что Марк писал Героду из зимнего лагеря, следует признать ошибкой этого вообще не особенно писателя: зная, что император Марк постоянно находился на северном фронте в борьбе с варварами и что о смерти Фаустины он писал не из Рима, Филострат и на этот раз поместил его в зимний лагерь.

² Известие С в и д ы, с. в. Πρωτης, называющее Герода внуком Плутарха, ошибочно.

был консулом-суффектом, видимо, при Траяне (Sop., Prol. Ar.) и, возможно, второй раз — при Адриане¹, занимал ряд городских должностей, в том числе жреческие; он был, между прочим, архиереем Августов. Филострат рассказывает знаменитую историю о том, как он нашел в своем доме огромные сокровища. Как запросил императора Нерву, указывая на их размеры, что ему с ними делать, и как получил ответ императора-предложившего ему пользоваться найденным. Богатства Атиков были действительно весьма велики, они позволяли им жить с невероятной роскошью — так, например, Авл Геллий (NA, I, 2, 2) подробно рассказывает о великолепии одной из вилл Герода Атика — и помогли им стать эвергетами едва ли не всего эллинского мира, но происходили они, разумеется, не только из случайно обретенных сокровищ. Помимо обширных земельных владений², не следует забывать и тех ростовщических операций, которыми они занимались: большая часть афинян находилась в долгу у потомков Гишарха (Phil., VS, II, 1, 4), и эта эксплуатация низших слоев городского населения, без сомнения, приносила Атикам значительные доходы; наконец, надпись, поставленная пирейскими дельцами в честь жены Герода Региллы (SIG³, II, 856), позволяет предполагать, что у Герода были связи и в этих кругах и что и отсюда он мог извлекать немалые доходы. К отцу софиста относится ряд надписей, перечисленных выше (см. стр. 65). Мать Герода звали Вибуллийей Алкией Агриппиной³.

Таким образом, Герод был типичным представителем знати восточных провинций, все более и более наполнявшей курию при Антонинах. Путем брака он породнился с западной романской патрицианской, правда, разумеется, новопатрицианской, знатью; Герод Атик был женат на Аннии Аннии Регилле Атилии Кавкидии Тертулле⁴. Ее отец Анний Анний Галл⁵, был, видимо, сыном Анния Анния Требония Галла, консула 108 г.⁶, и, возможно, консулом-суффектом в начале правления Ния⁷. По женской линии, через мать, которую, судя по имени ее дочери, звали Атилией Кавкидией Тертуллой, Регилла была внучкой Марка Анния Атилия Брадуа⁸. Брат Региллы, уже упомянутый Анний Анний Атилиий Брадуа, был консулом 160 г.⁹ Семья Региллы представляла собой типичную сена-

¹ Phil., VS, II, 1, 4; Suid., s. v. Ἡρόδης.

² Не только в Аттике, где они уже по самым масштабам страны не могли быть особенно велики, но и в других областях империи (см. стр. 60).

³ Относящиеся к ней надписи: IG, II—III², 1, 2, 1013; 3, 1, 3972—3973; 4063; Dittenberger, ук. соч., стр. VI. О брате Герода Геродiane см. SIG³, II, 2374.

⁴ EA, III, 1885, стр. 152, № 28; AM, VIII, 287 = SIG³, II, 856; IG, II—III², 3, 2, 13200; XIV, 1389, I = SIG, III, 6280 = EG, 1046: стихотворная эпитафия в честь Региллы, так называемая Трионейская песнь (см. хотя бы, 1—2); SIG, III, 6184 = CIL, VI, 1, 1342 = IG, XIV, 1391; Dittenberger, ук. соч., стр. VI—VII; XII; BCH, I, 1877, стр. 409, № 2; CIA, III, 2, 1333, исправлена Dittenberger'ом, ук. соч., стр. XV = IG, II—III², 3, 2, 12568/9; Phil., VS, II, 1, 18—20.

⁵ Dittenberger, ук. соч., стр. VI; EA, III, 1885, стр. 152, № 28; CIA, III, 2, 1333.

⁶ Dittenberger, ук. соч., стр. VII, не считает возможным отождествлять этого Анния Анния Требония Галла с отцом Региллы, поскольку между его консульством и консульством ее родного брата Атилия Брадуа в 160 г. промежуток в 52 года. В таком случае возможно, что консул 108 г. — отец Анния Анния Галла и дед Региллы.

⁷ Dittenberger, ук. соч., стр. VIII, отождествляет отца Региллы с десигнированным консулом Аннием Галлом, который упоминается CIL, III, 1, 7060, и, таким образом, был консулом-суффектом в начале правления Ния. Это отождествление, помещающее консульство Анния Анния Галла примерно посредине между консульствами его предполагаемого отца и его сына, удобнее, чем другое, при котором отца Региллы отождествляют с одним из консулов, упомянутых в военном дипломе 149—153 гг. (III, 2, стр. 883, дипл. 41; ср. III, suppl., 3, стр. 1988, дипл. 63).

⁸ Его надпись — Dittenberger, ук. соч., стр. VII—VIII.

⁹ Phil., VS, II, 1, 48. По словам Филострата, Брадуа имел право носить на обуви пряжку из слоновой кости в виде полумесяца — отличительный знак сена-

торскую семью романской половины империи, и весьма знаменательно, что теперь в этот замкнутый круг римской правящей аристократии удалось проникнуть эллину Героду. Семья Региллы была богата, и Регилла получила в приданое обширные имения в Италии.

Таким образом, на примере Герода Аттика с чрезвычайной ясностью вырисовывается картина постепенного сращения аристократии провинций с аристократией самого Рима, процесс возникновения единой общеимперской аристократии.

Однако, что касается самого Герода, то у него, повидимому, не сложились хороших отношений с этой средой: по смерти Региллы брат ее Брадуа возбудил против него процесс, обвиняя его в убийстве жены (Phil., VS, II, 1, 18—20).

Должностная карьера Герода протекала одновременно в двух местах: в его родном городе и в Риме. В Афинах Герод был архонтом, агораномом (IG, II—III², 3, 1, 3288; 3602) занимал жреческие должности¹, проявлял заботу об организации эфэбов (IG II—III², 2, 2090; 3, 1, 3733—3734; Phil., VS, II, 1, 8); однако его неофициальное влияние в Афинах значительно превышало компетенцию занимаемых им должностей. Как показывают данные о социальной борьбе в Афинах это время (см. ниже), Герод фактически держал в своих руках все управление Афинами. Его поддерживала определенная группировка аттической знати, представители которой были связаны с Геродом родственными и дружескими узами. В числе этих лиц были крупные аттические землевладельцы, имевшие римское гражданство: Вибуллий Пемптеид, Флавий Доротей, Флавий Филотим и другие. Помимо Афин, Герод был тесно связан с Элевсином²: ему приписывалось происхождение из рода Кериков, и он был в Элевсине эксегетом (EA, III, 1885, стр. 152, № 28). Подобно своему отцу, Герод был архипрестом императорского культа³. В Риме Герод прошел весь установленный путь почестей до ординарного консульства в 143 г. (консуляром его называет, в частности, Авл. Геллий, NA, I, 2, 1), и, возможно, был консулом во второй раз (Phil., VS, II, 1, 4); еще ранее при Адриане он выполнял весьма важное и почетное поручение императора, будучи легатом Августа за претора по надзору за свободными полисами Азии. Только процесс, возбужденный против него братом Региллы Брадуей, помешал ему сделаться проконсулом Азии или Африки (II, 1, 19). Во II в. senatorская и всадническая аристократия восточных провинций занимает прочное место в имперской администрации; если в середине I в., во времена Нерона, такие люди, как Тиберий Юлий Александр из Александрии, сын

торов патрицианского происхождения (II, 1, 18). Подозревать это сообщение Филострата нет причин, ибо у него, всегда превозносящего Герода Аттика, не было оснований преувеличивать знатность его врага (речь идет о процессе Брадуи против Герода). Наличие патрицианских предков у Региллы и было, повидимому, основной причиной, побудившей императора Ния наделить ее сына Тиберия Клавдия Анния Атилия Брадуя Регилла Аттика патрициатом (IG, XIV, 1389 = EG, 1046 = SIG, III, 6280, 23—26; IG, XIV, 1392). Судя по тому, что он наряду с родовым именем отца удержал родовое имя деда Региллы по матери Марка Анния Атилия Брадуп, а не отца Региллы Анния Анния Галла, этот патрициат был унаследован Анием Анием Атилием Брадуей по женской линии. Об этом говорит и другое сочетание имен уже упомянутого сына Герода — Марк Атилий Атик Брадуа Регилл, которое, опуская граэпотей и помет отца, прямо указывает на его прадеда Марка Анния Атилия Брадуя. Возможно, что эта сокращенная форма имени Брадуи Аттика стоит в какой-то связи с дарованием ему патрициата.

¹ IG, II—III², 2, 2090; относительно II—III², 3, 1, 3296: ἐπὶ ἱερῶς Κλ[αυδίου] Ἐφῶβου, см. ниже; к данному Героду эта надпись не относится.

² Элевсинские надписи Герода: EA, III, 1885, стр. 152, № 28; 1894, стр. 206а;

207 б.

³ IG, II—III², 2, 2090. Надпись II—III², 3, 1, 3296, относившаяся ранее к Героду, имеет в виду в действительности его отца.

алабарха Александра, иудей, перешедший в язычество, чтобы сделать карьеру на императорской службе, где он был прокуратором Иудей, префектом лагеря сирийского войска, префектом Египта, или Гессий Флор, эллин из Клазомен, последний прокуратор Иудей, были относительно редким явлением, то теперь сенаторы эллинского происхождения выступают в самых различных должностях в системе имперской администрации. Особенно часто правительство привлекало их к отправлению должностей в восточных провинциях, где они были незаменимы как люди, хорошо знакомые с местными условиями.

Возвышению Герода в общеимперском масштабе весьма способствовала его близость к императорскому дому¹. Во время пребывания в Риме он, как известный софист, был учителем будущих императоров Марка² и Вера (SHA, Ver., 2, 5) и до конца жизни пользовался расположением императора Марка. Последний находился в постоянной переписке с Геродом (Phil., VS, II, 1, 31) и обычно поручал ему выбор учителей философии, которые публично преподавали в Афинах³.

Надписи в честь Герода, распространенные по всей Ахайе и даже за ее пределами (см. стр. 65), а также известия литературных источников позволяют заключить, что влияние афинской олигархии не ограничивалось Атикой, но распространялось на всю Элладу. Политические расчеты и честолюбие заставляли Герода оказывать многочисленные эвергесии не только Афинам⁴, но и многим другим городам эллинского мира. Надписи и литературные источники говорят о многочисленных эвергесиях, оказанных Геродом Коринфу, Дельфам, фессалийцам, жившим вокруг Мелийского залива около Фермопил, Олимпии, эфирскому городу Орику, италийскому городу Канусию, городам Эвбеи, Пелопоннеса, Беотии⁵. Герод даже сделал последнюю в древности попытку прорыть Истм (Phil., VS, II, 1, 10). Наиболее тесно Герод был связан с Олимпией; отсюда дошло особенно много надписей, относящихся к Героду, причем элейцы посвящали надписи не только Героду, но и членам его семьи⁶; кроме того, дошла надпись, поставленная в честь Герода коринфянами (EA, III, 1894, стр. 206a). Немудрено, что такой человек не мог оставаться в стороне от панэллинизма: наоборот, он был одним из главнейших его деятелей и, между прочим, устраивал в Афинах на свой счет панэллинские празднества (Phil., VS, II, 1, 7).

Жизнеописание Филострата и надписи дают возможность в общих чертах восстановить основные этапы жизненного пути Герода Атика. Его детство и юность относятся к правлению Траяна. При Адриане и еще при жизни Атика Герод был императорским легатом, посланным для надзора за так называемыми свободными полисами Азии. По смерти отца он сделался жрецом императорского культа, однако не сразу, так как в промежутке между ними эту должность выполнял Статий Квадрат.

¹ Его надписи членам императорского дома в Олимпии — D i t t e n b e r g e r, ук. соч., стр. XVI сл., №№ I—III, 2.

² D i o, LXXI, 35, 1; SHA, Marc., 2, 4. В связи с этим Герод неоднократно упоминается в переписке Марка с Фронтоном: F r o n t o, Ad. M. Caes., I, 5; III, 2—6; IV, 2; Ad M. Ant. imp., II, 8; Ad Ver. imp., 9.

³ P h i l., VS, II, 2, 2; προσέταξε... τὸν Ἡρόδου κριτυλ.

⁴ IG, II—III², 2, 2090; 3, 1, 3189; ΔΑ, IV, 189; P a u s., I, 19, 6; VII, 20, 6; P h i l., VS, II, 1, 7—8.

⁵ AZ, XXXVI, 94, № 149; L u c., Per., 19—20; P a u s., II, 1, 7; VI, 21, 2; X, 32, 1; P h i l., VS, II, 1, 9. Надписи в олимпийской экед্রে Герода Атика: D i t t e n b e r g e r, ук. соч., стр. VI; AZ, XXXVI, 95, № 152. Относительно Орика см. P. G r a i n d o r, Un milliardaire antique (Un. Eg., Rec., V, 1930), стр. 226.

⁶ D i t t e n b e r g e r, ук. соч., стр. V—VIII; XII, №№ 1—4; AZ, XXXV, 102, № 44; XXXVI, 95, № 152 = D i t t e n b e r g e r, ук. соч., XII; AZ, XXXVI, 96, № 156.

В это же время произошло первое столкновение Герода с афинским демосом. Умирая, отец Герода Тиберий Клавдий Атик Герод завещал выдавать каждому афинянину ежегодно по одной мине. Это завещание должно было иметь форму фиденкомисса, так как иначе римский гражданин не мог сделать завещания в пользу peregrini, к числу которых принадлежало подавляющее большинство афинян. Однако афиняне по смерти Атика обратились к Героду с просьбой выдать им вместо этого одновременно по пяти мин. Герод нашел это выгодным для себя и согласился, когда же афиняне явились получать обещанное, им были предъявлены долговые обязательства их отцов и дедов предкам Герода, так что миние не только ничего не получили, но еще остались в долгу. Так Герод, этот знаменитый «благодетель» Эллады, распорядился с завещанием своего отца в пользу афинян.

Это вызвало острое возмущение народа, издавна подготовлявшееся всей деятельностью афинских олигархов, возглавлявшихся в это время родом Атиков. Как видно из приведенного рассказа, весь афинский народ находился в долгу у этой семьи. Хитроумное толкование, приданное Геродом своему обещанию афинянам, не только настроило их против него¹, но и побудило искать удовлетворения через римский суд, ведению которого подлежало завещание Атика, как и всякого другого римского гражданина. Поступком Герода воспользовалась та группа афинских олигархов, которая боролась с олигархической группировкой Атиков за господство над Афинами. Против Герода был возбужден в Риме судебный процесс. Источники дают лишь смутное представление о ходе этого процесса. От лица противников Герода выступал Фронтон, известный писатель, оратор и адвокат, в письмах которого и сохранились известия об этом деле. Собирая о нем Марку Кесарю, Фронтон пишет: «Должно говорить о людях свободных, жестоко избитых и ограбленных, из которых один был даже убит; должно говорить о сыне нечестивом и не помнящем отцовских просьб; должно укорять в жестокости и жадности; Герод в этом деле должен быть представлен [как] какой-то палач» (Fronto, Ad M. Caes., III, 3).

Хотя у Фронтона Афины прямо не упоминаются, однако нет никакого сомнения в том, что поводом к процессу послужили афинские дела. Приведенные слова Фронтона и то раздражение, которое Герод испытывал долгое время против него, не оставляют сомнений в том, что дело было направлено лично против Герода. В таком случае упоминание «о сыне нечестивом и не помнящем отцовских просьб» (III, 3) должно непосредственно относиться к семье Атиков². Слова Фронтона «о людях свобод-

¹ P h i l., VS, II, 1, 4: «но, когда [они] приблизились [к] трапезам за обещанным, им были прочтены долговые обязательства [их] отцов и дедов, одолжавшихся предкам Герода, и представлены встречные требования, так что одни получили немного, другие — ничего, иные же были задержаны на агоре, как обязанные отдать долг; это раздражило афинян, как лишившихся дара, и они не переставали ненавидеть [Герода] даже тогда, когда он замыслил величайшие благодеяния».

² Однако о сыновьях Герода, как иногда пытаются думать (K l e b s, P I R, I¹, 349; ср. S t e i n, P I R, II², 178), не может быть и речи. Во-первых, непонятно, каким образом Герод мог защищать сына, оказавшегося по отношению к нему некаким образом и неблагодарным. Во-вторых, ни один из сыновей Герода не подходит к случаю, описанному у Фронтона, так как имеются данные о том, что в момент смерти своей матери старший сын Герода, Брадуа Атик, еще не был совершеннолетним (см. аргументацию в подготовляемой к печати работе автора «Эллинические провинции Балканского полуострова при Антонинах»); поскольку Регилла умерла позднее, то ясно, что сыновья Герода не могли быть совершеннолетними во время рассматриваемого процесса. В таком случае «нечестивым и не помнящим отцовских просьб» сыном должен быть сам Герод, который действительно был повинен в нарушении завещания. Эту мысль, правда, только в виде предположения, высказал еще K l e b s, P I R, I¹, 319; ср. S t e i n, P I R, II², 176.

ных, жестоко избитых и ограбленных» (Ad M. Caes., II, 3) имеют в виду афинян, причем последний эпитет может опять-таки намекать на обстоятельства, связанные с нарушением завещания Аттика (Phil., VS, II, 1, 4), тогда как первая половина фразы («о людях... жестоко избитых»), повидному, указывает на самоуправство, которое Герод или его отпущенники проявили по отношению к афинскому народу, и, может быть, проявляли неоднократно. Речь, видимо, шла о насилиях, имевших место при взимании долгов. Характерно также, что Фронтон говорит «о людях свободных», а не о римских гражданах: это показывает, что самоуправство произошло не на территории Италии. Таким образом, процесс Фронтона против Герода является настоящим социальным конфликтом, конфликтом между господствующей группировкой знати и демосом одного из крупнейших городов Эллады, заключенным, однако, в законные формы римской юстиции.

Однако обвинителями Герода в римском суде выступили не представители афинского демоса, а враждебная Героду аристократическая группировка. Без сомнения, главной движущей силой процесса был не Фронтон, не имевший касательства к Афинам и выступавший по этому делу лишь как профессиональный оратор, но лица, непосредственно заинтересованные в осуждении Герода. Можно предполагать, что настоящим зачинщиком дела был афинянин Демострат, глава афинской оппозиции против Герода, обвинявший впоследствии его перед Марком в Сирмии (см. ниже). Легко предположить, что этот человек, и словом и делом постоянно борющийся с Геродом, был инициатором и этого процесса. С другой стороны, известно, что некий Демонстрат Петилиан прибегал к судебной защите Фронтона¹. Если считать этого Демострата идентичным с неизменным противником Герода (Phil., VS, II, 1, 17; 26—29; 2, 2) и иметь в виду, что Фронтон произнес, между прочим, в его защиту речь, направленную против Асклепидота, то легко предположить, что и в этом случае Фронтон выступал в качестве представителя стороны Демострата.

Противник Герода Гибрий Клавдий Демострат был афинянином из мелитского дема². Как и Герод, он происходил из жреческого элевсинского рода Кериков. Предки его (судя по его именам) получили римское гражданство примерно одновременно с семьей Гишарха. Можно предполагать, что и он, подобно Атикам, принадлежал к сенаторскому сословию³. У Элиана упоминается некий Демострат, «муж из тех, которые принадлежат к сенату римлян»⁴, быть может, идентичный противнику Герода. Все это показывает, что глава афинской оппозиции против Герода, находившийся к тому же в дружбе и даже, видимо, в родственных отношениях

¹ Fronto, Ad M. Ant. imp., II, 8; Ad Ver. imp., 9. Выражение *tertiam orationem pro Demonstrato Petiliano* (Ad M. Ant. imp., II, 8) не обязательно указывает на то, что Фронтон произнес за Демострата три речи: перед этим Фронтон сообщает Марку о посылке им Веру нескольких, видимо, двух, речей, к которым прибавляется третья за Демострата Петилиана. Хотя в рукописях Фронтона в обоих случаях стоит *Demonstratus* (Petilianus имеется только Ad M. Ant. imp., II, 8), тем не менее идентичность Демострата Петилиана с противником Герода Демостратом весьма вероятна.

² IG, II—III², 2, 2342; 3, 1, 3609; *Μελιτέα* применительно к деду Демострата; II—III², 3, 1, 3613; *Λυσιόδη Μελιτέα τὸν Δημοστράτου*; II—III², 3, 1, 4088; *Κλαυ[δίου] Δημοστράτου*.

³ Видимо, именно этот Демострат был родственником Гая Клавдия Титиана, бывшего, между прочим, в начале своей служебной карьеры квестором провинции Ахайи и закончившего ее проконсулом Крита (ВСН, VI, 436).

⁴ A e l., De nat. an., XV, 19; см. также XIII, 21; XV, 4; 9; 19; epil., где цитируются сочинения Демострата по вопросам рыбной ловли, причем Элиан считает его весьма крупным авторитетом. Упоминаемый у П л и н н я (NH, I, 37; XXXVII, 34, 85—86) Демострат вряд ли тождествен с этим.

с Юлием Теодотом, к которому перешло господство над Афинами после удаления Герода (Phil., VS, II, 2, 1), был не представителем афинского демоса, но одним из руководителей аристократической группировки, которая стремилась использовать народное недовольство против семьи Аттиков в своих интересах. Это, разумеется, не уменьшает значения процесса, поскольку Демострат, действуя субъективно в пользу своей партии, объективно выступал в защиту беднейших слоев афинского гражданства, терпевших насилия и заинтересованных в раздачах. Можно предполагать, что уже тогда выступили вместе с Демостратом Праксагор и Мамертин, которых Филострат упоминает в качестве противников Герода. Имена Демострата и его ближайших соратников Праксагора и Мамертина можно встретить в списке афинских архонтов, которые выходили в это время преимущественно из среды аристократии. Таким образом, группировка, возглавляемая Демостратом, была также плоть от плоти афинской аристократии, как и та группировка, которая образовалась вокруг Герода. Через несколько десятков лет после описываемых событий, после того, как враждебной Героду группировке удалось отстранить его от руководства делами Афин, она становится у власти в этом городе. Весьма возможно, что именно она в конце 40 гг. II в. привлекла к делу проконсула Ахайи Секста Квинктилия Кондиана и его брата Секста Квинктилия Валерия Максима, бывшего у него легатом. Обвинение, выдвинутое позднее Геродом против своих противников, в том, что они подговаривали против него народ, показывает, что события эти происходили в обстановке напряженной борьбы между знатью и демосом.

О том, как протекал процесс, трудно сказать что-либо определенное. Весьма возможно, что Герод и на этот раз, как он делал позднее, выдвинул своим противникам контробвинение, что они подговаривают против него народ. По поводу этого процесса Марк Аврелий и Фронтон обменялись между собой письмами (Fronto, Ad M. Caes., III, 2—6), причем, судя по всему, Марк все время беспечнолся, как бы Фронтон в своем выступлении не перешел на личную почву (III, 2), и пытался примирить его с Геродом. Вообще, повидимому, Марк не одобрял выступления Фронтона против Герода, отчасти из политических соображений — обвинение Герода было бы фактически уступкой демократическим слоям афинского населения и подрывало бы престиж аристократии, — но все же главным образом, повидимому, из личных — Марку было неприятно столь резкое столкновение между двумя близкими к нему людьми.

Нет никаких сведений о том, чем кончился этот процесс. Повидимому, он прошел для Герода благополучно. Во всяком случае, ни положение Герода в Риме, ни влияние его в Афинах не потерпели никакого ущерба. Примирительные попытки Марка увенчались успехом: Фронтон, несмотря на то, что он произнес речь против Герода¹ и даже выпустил ее в публику, впоследствии действительно примирился с Геродом (Ad M. Caes., IV, 2; Ad M. Ant. imp., II, 8; Ad Ver. imp., 9). Возможно, что сохранившиеся фрагменты одного из греческих писем Фронтона восходят к письму, которое Фронтон написал Героду, чтобы закрепить примирение². То, что Герод сравнительно легко примирился с Фронтоном, также говорит за благополучный для него исход процесса. Обширные связи при императорском дворе помогли Героду освободиться от возведенных на него обвинений. На этот раз он вышел победителем.

¹ Fronto, Ad M. Caes., III, 3; Ad Ver. imp., 9: почти то же самое, что Ad M. Ant. imp., II, 8.

² По предположению Niebuhr'a, Fronto, EG, 4, хотя следует заметить, что разбираемый фрагмент настолько неясен, что трудно утверждать что-либо определенное.

Процесс Фронтон против Герода должен был происходить в самом начале правления Антонина Пия. С одной стороны, отец Герода Атик умер незадолго до Адриана, а процесс не мог бы начаться через большой промежуток времени после его смерти; с другой стороны, известия о процессе сохранились в переписке Марка Кесаря с Фронтоном, а это указывает уже на время Антонина Пия. Как раз к началу правления Пия относятся наибольшие успехи Герода в Риме: Герод в это время обучает будущих императоров Марка и Вера, а в 143 г. становится ординарным консулом. Все это укрепляло положение Герода и делало его неуязвимым для его противников.

Через несколько лет после описанных событий произошло новое столкновение Герода с афинским демосом, а именно то, в котором приняли участие Секст Квинктилий Кондиан, проконсул Ахайи, и его брат Секст Квинктилий Валерий Максим, совместно управлявшие Ахайей в 148—150 гг.¹ Это столкновение, которое, очевидно, произошло уже по возвращении Герода в Элладу², осложнилось для Герода выступлением враждебной ему аристократической группировки внутри Афин и вмешательством римской администрации в лице Квинктилиев, которые выступили на стороне афинского народа, позвавшего их на экклесию и обвинявшего Герода в тиранническом управлении. Герод пытался отклонить от себя эти нарекания и обвинял в свою очередь братьев в том, что они пытались настроить против него афинский народ (Phil., VS, II, 1, 24). Выступление римской администрации на стороне афинского демоса показывает, до какой степени была обострена вражда между знатью и народом в Афинах. С этих же пор началась вражда Герода с Квинктилиями: у Филострата сохранилось язвительное замечание, сделанное Геродом по адресу братьев (II, 1, 25).

В 160 г. или несколько позже имел место второй процесс против Герода. Его шурин Аппий Анний Атилиус Брадуа, консул или консулар, обвинил его в том, что он при помощи своего вольноотпущенника побоями умертвил свою жену Региллу³. Герод опять был оправдан, на этот раз, повидимому, справедливо. Действительной причиной этого процесса были, по всей вероятности, какие-то разногласия между Геро-

¹ Phil., VS, II, 1, 25. Что Секст Квинктилий Валерий Максим был легатом провинции Ахайи, известно из CIL, XIV, 2609, откуда можно заключить, что Секст Квинктилий Кондиан занимал в Ахайе должность проконсула. Если иметь в виду, что оба они были консулами в 151 г., а Валерий Максим был легатом Ахайи после претуры, но до консульства (см. указанную надпись), то необходимо отнести их совместное управление Ахайей примерно к 148—150 гг. Предполагать, что один из них через много лет после консульства принял на себя управление Ахайей (о приятии на себя консуларами преторских должностей см. Klebs, PIR, I², 145; ср. Grog, PIR, I², 224), а другой, хотя и консулар, сделался его легатом, подобно тому, как младший Гордиан после консульства стал легатом своего отца, таким образом, нет никаких оснований.

² Phil., VS, II, 1, 24—25. Филострат считает главной причиной столкновения Квинктилиев с Геродом то, что к ним обратился с жалобой на Герода афинский народ, но приводит и другие версии.

³ Нет оснований отождествлять процесс Брадуи с процессом Фронтон и Демострата. Хотя и в том и в другом процессе речь шла о свободном человеке, которому смерть была причинена нанесением побоев, тем не менее трудно предположить, чтобы Фронтон, имея в виду жену Герода, выразился настолько неопределенно (Ad M. Caes., III, 3). С другой стороны, если бы процесс Брадуи происходил раньше процесса Фронтон и Демострата или одновременно с ним, Фронтон не преминул бы упомянуть в своем письме Марку о столь чудовищном преступлении Герода. Это еще раз подтверждает принятую в тексте относительную хронологию жизни Герода. К тому же легко видеть, что если в процессе Фронтон речь шла действительно о завещании Атика, что является почти несомненным, вопрос об отождествлении обоих процессов вообще отпадает, так как Атик умер еще при Адриане, а Брадуа стал консулом только в 160 г.

Упорство, с которым афиняне выступали против Герода, показывает, что его господство в Афинах действительно было тяжело для широких масс афинского гражданства. Подавление народа долговыми обязательствами, насилия приспешников Герода, о которых шла речь на процессе Фронтоня, — все это заставляло афинян постоянно становиться на сторону его противников.

Хотя в результате процесса в Сирмии Герод и был оправдан, тем не менее эти события надломли его политическое могущество. В его отсутствие влиянием в городе завладел Юлий Теодот¹, представитель группировки Демострата, афинянин из мелитского дема. Подобно Героду Аттику, он был римским гражданином (что видно из его имени), с одной стороны, ретором (Phil., VS, II, 2, 2) и софистом² — с другой. Он был не только близок к главному противнику Герода Демострату (Phil., VS, II, 2, 1), но даже находился с ним, видимо, в родстве³. К этому Теодоту и перешло после Герода Атика господство в городе⁴. И он, подобно Героду Аттику, пользовался покровительством римской власти; император Марк сам сделал его наставником афинского юношества в риторике (Phil., VS, II, 2, 2). Так в постоянной борьбе олигархические группировки оскаривали друг у друга господство над знаменитейшим городом Эллады.

Герод, задержавшийся в пути из Паннонии из-за болезни в Орпке и пытавшийся восстановить этот город (Phil., VS, II, 1, 9), по прибытии в Атику вынужден был отойти от политической деятельности. Последние годы его жизни прошли преимущественно в селениях вокруг Марафона и Кефисии⁵, очевидно, в имениях, доставшихся ему от отца. О внешних событиях этого времени известно очень мало. К восстанию сирийского наместника Авидия Кассия, выступившего в 175 г. против Марка и провозгласившего себя императором, Герод отнесся резко отрицательно, написав ему лаконичное письмо: «Герод Кассию; [ты] обезумел» (Phil., VS, II, 1, 32). Последним известным событием из жизни Герода является письмо к нему Марка, извещающее о смерти Фаустины. Видимо, вскоре после этого он умер в Марафоне на семьдесят шестом году жизни (II, 1, 37).

История Афин в средние десятилетия II в. имеет выдающийся интерес, поскольку она помогает представить конкретные особенности социальных противоречий и политической борьбы в стенах эллинистического города восточной половины империи на примере одного из наиболее значительных городов эллинского мира. В этом отношении история провинции Ахайи особенно ценна тем, что противоречия, присущие античному полису в период его упадка, проявляются здесь с наибольшей чистотой, не затемненные соседством более примитивных общественных отношений, как в большинстве других провинций империи. История движений демоса и, в

вспоминание чумы, с другой, заставляют предполагать, что в описании Филострата излагается история не одного столкновения Герода с афинянами, а двух, из которых первое, в 40 гг. II в., было осложнено вмешательством Квинтилиев, а второе, в 70 гг. II в., закончилось разбирательством в Сирмии. Филострат, преследуя скорее литературные, нежели исторические задачи в своем повествовании, соединил в одном рассказе для большей выразительности два события, разделенные большим промежуток времени, но объединенные общностью действующих лиц (Герода, Демострата и т. д.).

¹ Относящиеся к нему надписи: IG, II—III², 3, 1, 3616; 3813.

² IG, II—III², 3616; 3813: «Юлия Теодо[та, мелит]ейца, софиста, ученики».

³ D i t t e n b e r g e r (см. IG, II—III², 3, 1, 3609) предлагает родословное дерево, из которого видно, что Юлий Теодот был женат на племяннице Демострата Элии Кефисодоре, дочери его брата Лисада.

⁴ Его афинские должности см. IG, II—III², 3, 1, 3616: стратег, архонт-басилей, вестник ареопага.

⁵ P h i l., VS, II, 1, 30. О вилле Герода, которая называлась Кефисией или была расположена в Кефисиях, см. G e l l., NA, I, 2, 2; XVIII, 10, 1.

частности, столкновений Герода Аттика с демосом показывает остроту социальных противоречий в этих городах, характер народных движений, особенности политической борьбы, формы, которая она принимала. История столкновений Герода Аттика с демосом показывает, насколько бесперспективны были в этот период движения низших слоев свободного населения эллинистических городов по сравнению с эллинистическим периодом, когда такие движения нередко оканчивались переделом земли и снятием долгов. Наконец, история Афин в целом показывает (при учете, разумеется, местных особенностей), каковы были общие закономерности развития крупного эллинистического полиса, включенного в состав Римской империи, накануне его окончательного падения.

Однако, пользуясь Афинами, как примером эллинистического города периода ранней империи, не следует забывать того, что они во многих отношениях не были вполне типичны. В отличие от ряда эллинистических городов, расположенных в азиатских провинциях империи, Афины не были крупным хозяйственным центром, а это накладывало определенный отпечаток и на их население. Афинский демос в гораздо большей степени, чем демос большинства крупных эллинистических городов, был лишен хозяйственного значения; в его среде было гораздо меньше мелких ремесленников и торговцев, чем где-нибудь в Эфесе или Антиохии; вместе с тем здесь было не меньше, а порою и больше, чем в крупных городах эллинистического Востока, людей, живших всякого рода непродуцированными или даже темными профессиями¹. Они стекались сюда отовсюду, надеясь на легкую наживу от богачей, приезжавших в прославленный историческими памятниками и деятельностью знаменитых софистов город. Отсюда в известной мере вытекала политическая слабость афинского демоса, хотя нужно заметить, что в период империи демос нигде не был особенно силен. В Афинах было без сомнения меньше рабов и вольноотпущенников, чем в городах эллинистического Востока, во всяком случае, рабов, занятых производительным трудом. Афинская знать тоже по своему характеру несколько отличалась от знати городов эллинистического Востока. Здесь жили многие заезжие аристократы, и эллины и римляне, которые, если и не принимали прямого участия в политической борьбе, развертывавшейся в Афинах, но тем не менее оказывали известное влияние, хотя бы в качестве эвергетов, на жизнь города и на положение городского демоса. Некоторые из них, как например, Флавий Арриан, даже принимали афинское гражданство. Все это несколько выделяло Афины из других эллинистических городов восточных провинций Римской империи.

Не вполне типичны были Афины и для провинции Ахайи. В отличие от подавляющего большинства ахейских городов Афины сохранили известное экономическое значение. Экономическое положение Афин было значительно более благоприятно, чем положение всех остальных ахейских городов за исключением Коринфа. Подавляющее большинство ахейских городов представляло собой в это время в лучшем случае глухое захолустье, многие из них лежали в развалинах². В связи с более благоприятным экономическим положением, а отчасти в связи с положением Афин, как одного из наиболее значительных культурных центров империи, Афины были более доступны, чем остальные города Ахайи (за исключением, разумеется, Коринфа), всякого рода внешним влияниям. Ввиду этого восточ-

¹ Автор выражает благодарность проф. В. Н. Дьякову, который обратил его внимание на этот своеобразный состав афинского демоса.

² Об упадке ахейских городов см. О. В. Кудрявцев, Провинция Ахайя при Антонинах (автореферат кандидатской диссертации), М., 1951, стр. 16—17.

ные религиозные течения и, в частности, христианство после Коринфа находят в пределах Ахайи опору в первую очередь именно в Афинах. Конечно, указанное отличие Афин от остальных городов Ахайи не следует слишком преувеличивать, поскольку и Афины находились в глубоком упадке, и Афины должны были производить на жителей Рима или одного из крупнейших городов эллинистического Востока впечатление глубокого захолустья, однако все же из всех городов Ахайи Афины, наряду с Коринфом, по своему типу более всего приближались к большим городам эллинистического Востока. Афины стояли как бы на грани между захолустной Ахайей и еще сохранившими свое выдающееся экономическое значение городами эллинистического Востока, и это делает изучение их истории особенно интересным для исследователя.

ПУБЛИКАЦИИ

О КЛЕЙМАХ КЕРАМИЧЕСКИХ МАСТЕРОВ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ХЕРСОНЕСА

На амфорах и черепицах эллинистического Херсонеса, кроме астиномных клейм часто встречаются клейма керамических мастеров. Изучение клейм не только астиномов, но и керамических мастеров является существенным условием для освещения керамического производства эллинистического Херсонеса.

До настоящего времени нет никаких специальных статей и публикаций о монограммах, если не считать отдельных замечаний и предположений по этому вопросу. Незнученность монограмм в некоторых случаях приводит к ошибкам отдельных исследователей. Так, например, Е. М. Придик не мог определить происхождения херсонесских амфорных ручек с монограммами. Однако при внимательном разборе клейменных ручек и черепиц без особого труда удастся выделить херсонесскую группу монограмм как по формам штемпелей и надписей, так и по составу глины и облицовки ручек. Кроме того, значительное количество монограмм встречается вместе с клеймами херсонесских астиномов, что не оставляет никакого сомнения о месте их происхождения. Большинство клейм, приведенных ниже в списке, проверено по оригиналам; лишь незначительное количество было сверено по эстампажам и по отчетам о раскопках.

Из 92 клейм 30 сопровождаются клеймами астиномов (по списку №№ 1, 4, 8, 13, 14, 17, 23, 25—27, 30, 35—38, 40, 42—46, 51—53, 55, 60—62, 64, 81), а остальные 62 встречаются без астиномных клейм. Не подлежит сомнению, что дальнейшие раскопки укажут имена астиномов для отдельных ручек и дополнят наши сведения по этому вопросу. Основная масса клейм (81) встречается только на амфорах; семь клейм — на амфорах и черепицах (№№ 4, 23, 36, 38, 40, 53, 64), четыре клейма — только на черепицах (№№ 8, 42, 60, 69). Чаще всех встречаются клейма №№ 1, 9, 11, 13, 17, 18, 25, 26, 29, 30, 31, 52, 61, 87, 89, а в единичных экземплярах встречаются №№ 7, 22, 33, 41, 42, 57—59, 65, 72, 77, 78.

Клейма керамических мастеров встречаются и на изделиях других керамических центров. На фасосеких, родосеких и синопских амфорах, наряду с именами эпонимов, помещены полностью имена мастеров. На синопских изделиях они иногда встречаются в виде монограммы. Последняя находка штемпеля в Керчи свидетельствует о том, что и на пантикапейских изделиях помещались монограммы, хотя они в достаточной мере не изучены и не выделены еще в особую группу.

Керамические мастера эллинистического Херсонеса чаще всего обозначали свои клейма в виде монограммы или начальных букв своих имен. Полные имена керамических мастеров эллинистического Херсонеса встречаются очень редко. Об этом уже писал Косцюшко-Валюжинич: «Мастеру, следовательно, разрешалось помещать на одной из амфорных ручек свою монограмму, но никогда свое полное имя. Если последнее нередко встречается на ручках, то можно безошибочно сказать, что такие ручки принадлежат не торговым амфорам, но каким-либо иным сосудам, — нередко очень неболь-